

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Народонаселение и демография

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ В АНАЛИЗЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ*

Ирина Анатольевна ПАВЛОВА ^{a,*},
Ольга Павловна НЕДОСПАСОВА ^b

^a кандидат экономических наук,
доцент Школы инженерного предпринимательства,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ),
Томск, Российская Федерация
iapav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3620-4278>
SPIN-код: 8002-4768

^b доктор экономических наук,
профессор Института экономики и менеджмента,
Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ),
olgaeconomy@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8272-4616>
SPIN-код: 1356-4741

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 153/2021
Получена 22.03.2021
Получена в
доработанном виде
30.03.2021
Одобрена 05.04.2021
Доступна онлайн
14.05.2021

УДК

330.341.2:314.143:316.
346.32-053.9
JEL: B52, I31, J00,
J11, J14

Ключевые слова:

институциональные
функции, ресурсный
потенциал, старшее
поколение,
благополучие,
качество жизни

Аннотация

Предмет. Проблемы и перспективы картирования институциональных функций для оценки степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения в региональном социуме.

Цели. Разработка картографического профиля институциональных функций для оценки степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

Методология. Применены методы анализа и синтеза, логический и системный подходы, а также метод теоретического обобщения.

Результаты. Выявлены наиболее важные институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения, проведены их систематизация и картирование. Установлено, что в анализируемой институциональной среде присутствуют системные разрывы, выделены дисфункции во взаимодействии институтов реализации ресурсного потенциала старшего поколения в трех сферах (экономической, социальной и сфере здоровья).

Выводы. Методологическая модель «Карта институциональных функций реализации ресурсного потенциала старшего поколения» может стать значимым инструментом, позволяющим выявить недостатки в реализации государственных социальных программ, нацеленных на повышение качества жизни пожилых людей.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Павлова И.А., Недоспасова О.П. Институциональные функции в анализе ресурсного потенциала старшего поколения // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19, № 5. С. 972 – 1002.
<https://doi.org/10.24891/re.19.5.972>

Введение

Широкий интерес к различным аспектам институциональной тематики создает предпосылки не только для серьезного исследования основных направлений эволюции данного научного направления или изучения культурно-исторической специфики влияния институтов на динамику общественного развития той или иной страны. Не менее значимым является активное проникновение институционального инструментария в ранее не характерные для него сферы. Такие понятия как «институциональная ловушка», «институциональное строительство», «институциональный импорт», «институциональные функции», и другие все чаще используются применительно к социальной сфере, в том числе к тем ее сегментам, которые испытывают сильное влияние глобальных демографических трансформаций (пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание, образование).

Институциональный каркас социальной сферы современной России сформировался под влиянием рыночных механизмов, однако трансформационные процессы в ней не завершены. Ключевые направления происходящих и предстоящих изменений обусловлены не только накопившимися застарелыми противоречиями, но и глобальными вызовами, связанными со стареющим обществом. Демографические сдвиги актуализируют необходимость эффективного использования совокупных ресурсов экономики старения, требуют институциональных изменений, обеспечивающих благоприятные возможности для максимальной реализации потенциала человека на протяжении всей его жизни. Очевидно, что в рамках «старых» норм и правил, доставшихся нам от прежнего социально-экономического уклада, решить данную задачу невозможно.

Целесообразно обратить внимание на устоявшуюся в институциональном анализе точку зрения о том, что адаптация институциональных структур к новым реалиям может идти двумя путями. Первый из них предполагает, что старые нормы и правила подстраиваются к новой институциональной среде спонтанно, без внешнего вмешательства. При внешней естественности

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (проект № 19-18-00300).

такого процесса высока вероятность утраты контроля над динамикой и общим вектором развития институциональной системы, высоки риски того, что изменения не совпадут с ожиданиями заинтересованных сторон.

В социальной сфере, особенно в той ее части, которая связана с благополучием пожилых людей, такие риски крайне опасны. Второй вариант институциональных изменений предполагает поступательное и целенаправленное развитие институциональных структур, осуществляемое через их «выращивание» или «трансплантацию». Эти процессы могут происходить как через придание неформальным правилам более цивилизованного формата, так и за счет создания новых, не существовавших ранее институтов или их отдельных функций.

При исследовании институциональных функций, связанных с реализацией ресурсного потенциала старшего поколения, именно второй подход, по мнению авторов, является более обоснованным и перспективным, поскольку в этом случае появляется возможность, с одной стороны, отказаться от прямого «политико-правового» конструктивизма норм и правил, а с другой – он базируется на кропотливом предварительном анализе институциональной системы, предполагающем выявление ее функций и дисфункций. Результаты такого анализа могут стать надежной основой для обоснования решения об оптимальном наборе институциональных функций, обеспечивающих повышение степени реализации ресурсного потенциала пожилых людей в современном социуме.

Целью исследования является разработка карты институциональных функций для оценки степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения. Задачи исследования – выделить институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения и провести их картирование; определить разрывы в институциональной среде и дисфункции во взаимодействии специфических институтов; провести анализ взаимодействия формализованных и неформализованных институтов реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

Функциональный анализ и подход с применением институциональных функций

Функциональный анализ может служить базисом при проведении широкого спектра исследований в общих рамках институционального подхода. По мнению ряда авторитетных исследователей, наметилась тенденция уделять особое внимание институтам как «первопричинам» развития, подчеркивая

меньшую значимость географических и политических факторов. Например, С. Edquist и В. Johnson выделили три основные функции институтов: снижение неопределенности через предоставление информации; управление конфликтами и сотрудничеством; обеспечение стимулов [1]. Назвав их общими (или универсальными) функциями институтов, авторы описывают их роли по распределению ресурсов и поддержке и/или сопротивлению в реализации деятельности институтов и организаций. Данные функции институтов находят свое отражение в более ранней работе Д. Норта, который, не используя категорию «функция», описывает эти области в целом как деятельность любых институтов [2].

В свою очередь, Р. Акофф отмечал, что для выделения функций любой системы необходимо ответить на вопрос, почему сами системы «работают именно так, как они работают», так как поведение или характеристики системы определяются через роли или функции системы [3]. Данное утверждение будет справедливо для любой системы – социальной, экономической, инновационной, так как общие функции системы будут работать на снижение неопределенности, минимизацию транзакционных издержек, генерацию стимулов к дальнейшим действиям.

При оценке эффективности социально-экономической системы на основе анализа ее функций можно выявить «провалы системы», или «ошибки системы» (system failures), среди которых выделяют группы проблемных областей – институциональных дисфункций системы, когда институты, организации, связи между элементами системы (взаимодействие) отсутствуют или характеризуются недостатками¹.

В рамках рассматриваемой темы важно подчеркнуть, что в институциональном анализе всегда есть угроза смешения и даже подмены двух понятий – института и организации. Институты рассматриваются многогранно как «правила игры», структурирующие поведение индивидов и организаций в экономике; культурные нормы, вера, менталитет; равновесное состояние. Для организаций характерны совокупность участников; явно или неявно сформулированное выражение отношения к целям и средствам организации; формальная координация структуры с учетом сложности, правил и процедур, степени централизации принятия решений² [2, 4, 5]. Четкая дифференциация двух терминов позволит корректно выделять функции системы и провести на этой основе анализ ее текущего состояния.

¹ Edquist C. The Systems of Innovation Approach and Innovation Policy: An Account of the State of Art. URL: file:///tmp/mozilla_user030/The_Systems_of_Innovation_Approach_and_Innovation_.pdf

² Менар К. Экономика организаций. М.: ИНФРА-М, 1996. 160 с.

В силу того, что институциональная теория не дает четких нормативных определений понятия «институт», любое описание институциональных взаимодействий предполагает для исследователя определенную степень свободы. Дифференциация, смешение, а иногда и подмена понятий «институт» и «организация» приводят к многоаспектному описанию институтов. Ученые связывают эту проблему с тем, что в институциональной теории не присутствует четкая «дисциплинарная матрица» [6], основная роль которой – обобщение и упорядочивание как ключевых структурных элементов теории в целом, так и их составляющих, формирующих различные уровни детализации [7]. Такая особенность институциональной теории (наряду с неполной определенностью ее общей модели) обуславливает то, что понятие «институт» может быть раскрыто через систему определений, логически взаимосвязанных друг с другом, и эта взаимосвязь должна отражать реальные связи и взаимообусловленности, присущие объекту нашего познания [6]. Таким образом, важнейшие признаки института будут следующими:

- отражение механизмов регулирования хозяйственного поведения, которые не ограничиваются лишь его рыночным типом;
- проявление социальной структуры, которая, с одной стороны, является продуктом человеческой деятельности, а с другой – олицетворяет взаимодействия между людьми;
- выражение социальной (по своей природе) внешней регулирующей силы, которая ограничивает индивидуальное поведение экономических агентов;
- создание специфицированной структуры координации действий индивидов, основным объектом которой являются социальные взаимодействия или социальная структура общества;
- формирование правил как желаемой (предвидимой) модели поведения индивида или его общественных взаимодействий как ожидаемого порядка действий или нормативной модели поведения; правило, как информационная нормативная модель, предшествующая поведению и имеющая формальное (закон) или неформальное (традиция) происхождение, существует как объективная информация, как внешний и независимый от индивида фактор, и представляет собой субъективную информацию, то есть внутренний и субъективный регулятор поведения, неотделимый от определенного субъекта;

- упорядочивание реального поведения индивидов, приведение форм и характера взаимодействий между ними к регулярным, повторяющимся практикам; институт, таким образом, представляет собой отношение (взаимодействие), в котором реализовалось правило;
- структурирование социальных взаимодействий на основе дисциплинарного принуждения как системы устойчивых правил, санкций и способов их реализации, применяемых при нарушениях как формальных правил, так и неформальных норм поведения.

В контексте дифференциации институтов ресурсного потенциала личности (в том числе старшего поколения) определить институты просто как совокупность правил было бы крайне неубедительно, это должны быть «опривыченные» правила, которые акторы находят среди множества всех используемых ими правил по смыслу ситуаций, где эти правила применяются. Причем, чтобы стать институтом, эти правила, смыслы соответствующих ситуаций и верования, лежащие в основе этих правил, должны быть общими для членов той группы, в которой данный институт устанавливается.

Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются [8]. Институт, будучи структурой социальной, имеет социальный характер строения, то есть может состоять из подсистем элементов, отношений и правил, однако в качестве объективной основы создания социального института следует выделять именно структуру социального действия, так как именно необходимость организации и регулирования социальных действий вызывает к жизни появление социальных институтов³.

Социальный институт полифункционален. Его специфика, с одной стороны, определяется внешними предписанными ему функциями, а с другой стороны, – его главной социальной функцией. Социальные функции института могут быть реализованы как внешние по отношению к той системе, где он является элементом, но могут выступать и как внутренние с точки зрения структурирования и регулирования социальных взаимодействий.

Разработка карты институтов (institutional mapping) предполагает проведение ряда последовательных действий: сбор, анализ данных по институтам системы, а также их группировку по функциональному

³ Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 13–19.
URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-10/glotov.pdf>

признаку. При этом институциональный профиль (institutional profile) предполагает учет не только входящих в систему организаций, но и взаимосвязей между ними. Не менее значимо определение функциональности исследуемых организаций, поскольку нельзя исключать наличие среди них выполняющих несколько функций и (или) дублирующих работу других организаций.

Таким образом, функциональный анализ институтов и организаций исследуемой системы нацелен на раскрытие ее дисфункций; на выявление «наложений» (дублирования и недостатков в программах поддержки). Достижение названных целей способствует улучшению системы регулирования, повышению прозрачности информационных потоков, снижению системных несоответствий.

Не менее ценны институциональные профили при фиксации формальной и неформальной частей системы. С их помощью можно понять, какие функции выполняются формальными, а какие – неформальными институтами; изучить механизм, составляющий основу взаимодействия между соответствующими организациями; установить, насколько взаимодействия между институтами формализованы.

Функциональный подход в сочетании с исследованием институциональных функций систем и входящих в них институтов обладает рядом весомых достоинств. Выделим лишь те, которые в наибольшей степени востребованы в исследуемой области:

- четкое определение границ изучаемой системы с возможностью анализа ее подсистем (национальной, региональной, муниципальной), осуществляемое в условиях фиксации институциональных функций, что создает условия для оценивания институтов, представленных на разных уровнях системы;
- корректная оценка текущего состояния системы, выявление отсутствующих в ней функций и (или) дисфункций, что направлено на выявление отклонений от нормативной модели и установление причин таких отклонений;
- инструментализация оценки динамики системы и наблюдений за изменениями в ее состоянии во времени;
- объективное сравнение функциональности различных систем, что особенно важно в случае, если в институциональных структурах есть аналогии, но системы работают особым образом, а их функции

существенно отличаются; возможна и обратная ситуация, когда системы демонстрируют равную эффективность, хотя их структурные характеристики существенно различаются.

Таким образом, функциональный анализ в рамках институционального подхода позволяет существенно расширить исследовательские возможности при уточнении институциональных функций, в том числе при анализе ресурсного потенциала старшего поколения.

Развитие международных практик и подходов в оценивании ресурсного потенциала старшего поколения

В анализе благополучия и качества жизни старшего поколения следует разделять международные и национальные подходы, применяемые для оценок. Причиной являются их специфические возможности как для сбора данных, так и для мониторинга. Международная статистика обладает в этом отношении рядом весомых преимуществ и может служить ориентиром для исследователей из различных стран при выборе фокуса их аналитической работы, поскольку позволяет реализовать две важные задачи:

- проводить корректные межстрановые сравнения;
- отслеживать передовой опыт мониторинга и сбора данных по различным аспектам благополучия старшего поколения.

В случае первой задачи объективным ограничением к применению международных подходов на национальном уровне является ожидаемая неполнота статистических данных, поэтому международные методики в той или иной стране обычно реализуются с определенными допущениями, обусловленными неизбежностью значительного количества пропущенных данных. Для второй задачи проблемой может стать полная или частичная неприменимость международных подходов к мониторингу на национальном уровне в силу особенностей и устоявшихся традиций осуществления национального статистического мониторинга.

Для адаптации национальных подходов и форм для сбора данных к международному формату требуются значительные усилия национального масштаба, а также существенное время для реформирования системы, даже при наличии к этому политической воли. В результате передовые подходы к мониторингу благополучия старшего поколения в течение длительного времени могут быть реализованы преимущественно как точечные исследования на ограниченной выборке.

В 2010-е гг. активное развитие получили два международных индекса для оценки качества жизни и благополучия старшего поколения – Active Ageing Index и Global AgeWatch [9]. Эти индексы были реализованы как грантовые исследовательски-прикладные проекты. Индекс активного долголетия⁴ (Active Ageing Index, AAI) заявлялся как региональный инструмент для проведения количественных оценок ресурсного потенциала пожилых людей и его реализации по нескольким направлениям социально-экономического развития, в том числе по их трудовой и социальной активности в странах Европейского союза.

Структура индекса демонстрирует те грани ресурсного потенциала старшего поколения, которые являются базисом для позитивной социальной динамики в условиях роста продолжительности и повышения качества жизни старшего поколения. Индекс AAI направлен на оценку и раскрытие незадействованного социально-экономического потенциала или нереализованного вклада (untapped potential) пожилых людей в общественной жизни (при условии независимого проживания и самодостаточной жизни) и состоит из 22 индикаторов, объединенных в четыре домена: занятость; участие в социальной жизни; независимое, здоровое и безопасное проживание; возможности и благоприятная среда для активного долголетия.

Несмотря на то что изначально этот индекс был создан для оценки активного долголетия в ЕС, сейчас он применяется и другими странами, которые видоизменили его методологию с учетом национальной специфики. Данный проект можно считать успешным, так как он изначально предполагал тесное сочетание и пересечение исследовательской и практико-ориентированной задач: к участию в нем активно привлекались представители органов национальной статистики европейских стран, что привело к унификации и интеграции подходов к мониторингу и комплексной оценке различных аспектов активного долголетия на уровне национальной статистики, а также к агрегированию сопоставимых данных для ряда европейских стран.

Таким образом, возникновение и развитие методологии AAI, основанной на оценке ресурсного потенциала граждан старших возрастных групп, демонстрирует качественный сдвиг в статистическом подходе к мониторингу социально-экономических показателей, характеризующих различные аспекты жизни пожилых людей. Фактически данный индекс стал прорывом в понимании потенциала вовлечения старшего поколения в

⁴ 2018 Active Ageing Index. Analytical Report.

URL: https://unece.org/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/ECE-WG-33.pdf

социум, его роли в социально-экономическом развитии не только в настоящее время, но и в перспективе. Экспертное сообщество уверено, что в будущем индекс ААІ может быть адаптирован и для стран, находящихся за пределами ЕС.

При всей позитивности такого ожидания нельзя не учитывать того, что методология, свойственная данному индексу, в этом случае неизбежно будет сталкивается с национальными и региональными социально-экономическими и политическими особенностями, а также с ограничениями, свойственными практике статистических наблюдений в конкретной стране. В результате неизбежных корректировок методологии и методики расчета данный индекс, рассчитанный для страны, не входящей в ЕС, скорее всего, не позволит проводить ее корректные сравнения со странами Европейского союза.

Однако, даже с учетом описанных ограничений, индекс ААІ может использоваться как отличный инструмент мониторинга положительных и (или) отрицательных изменений состояния и степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения в конкретной стране. Данный индекс принят в России и будет рассчитываться Росстатом⁵. Планируется его применение как инструмента мониторинга достижения целей, обозначенных в проекте Концепции активного долголетия граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2034 года⁶.

Второй из названных индексов (Global Age Watch) изначально заявлялся как международный проект и в 2013–2015 гг. был рассчитан для 96 стран по структуре, включающей 13 индикаторов социально-экономического благополучия старшего поколения, объединенных в четыре домена:

- экономическая безопасность (пенсионный охват, уровень бедности в старшем возрасте, относительное благосостояние старшего поколения, валовой национальный доход на душу населения);
- благоприятная среда (социальные связи, физическая безопасность, гражданские свободы, доступ к общественному транспорту);

⁵ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 31.10.2019 № 634 «Об утверждении методики расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации». URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-rosstata-ot-31102019-n-634-ob/prikaz/>

⁶ Индекс активного долголетия (Active Ageing Index). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage//2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf>

- состояние здоровья (ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 60 лет, продолжительность здоровых лет жизни в 60 лет, психологическое благополучие);
- возможности (занятость в старшем возрасте, образовательный статус граждан старшего возраста).

Важной особенностью данного индекса была его ориентация прежде всего на экономическую и финансовую безопасность людей старшего возраста, их охват пенсионным доходом, поскольку отсутствие или неудовлетворительное состояние национальной системы пенсионного обеспечения неизбежно приводило к ощутимому снижению ранговой позиции соответствующей страны в общей таблице. Существенной проблемой при расчетах данного индекса ожидаемо стал недостаток и большое количество пропущенных данных по ряду анализируемых стран и периодов. Начиная с 2015 г. индекс Global Age Watch не рассчитывается, его разработчики объясняют это необходимостью доработки методологии.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что основной проблемой оценки ресурсного потенциала старшего поколения на основе индексов является сложность отслеживания динамики (прогресса или регресса) по конкретной стране, так как рейтинговая таблица предполагает лишь относительную оценку стран, их ранжирование в текущем году. Следовательно, улучшение позиции той или иной страны в рейтинге демонстрирует не только национальный прогресс, но и темпы ее прогресса относительно других стран, что невозможно декомпозировать в общей оценке.

Несмотря на прекращение расчета индекса, с 2018 г. в рамках проекта Global Age Watch публикуются материалы по сравнительному анализу ряда индикаторов, весьма корректно отражающих те или иные аспекты благополучия, качества жизни и возможностей реализации ресурсного потенциала старшего поколения. Эти индикаторы предполагают существенное расширение подхода к пониманию благополучия человека в пожилом возрасте и факторов, способствующих более полной реализации его ресурсного потенциала. Важно отметить, что данные индикаторы связывают возможности реализации ресурсного потенциала старшего поколения преимущественно с потенциалом здоровья и качеством системы здравоохранения.

Разработка карты институциональных функций для оценки ресурсного потенциала старшего поколения

Поскольку объектом данного исследования является ресурсный потенциал старшего поколения, перед формированием карты институциональных функций для его оценки необходимо четко определить данный термин. Авторы исходили из того, что ресурсный потенциал личности в целом (независимо от возраста человека) определяется совокупностью качеств субъекта, способствующих его реализации (самореализации), а также определяющих и обеспечивающих эффективность осуществления в данных объективных условиях всех видов жизнедеятельности [10].

Понятие ресурсного потенциала в отношении пожилых людей требует уточнений. Во-первых, его применение не предполагает четкого соответствия определенному возрастному цензу (достижению «пенсионного возраста», который в России, как известно, не только дифференцирован для мужчин и женщин, но и наступает значительно раньше, чем в большинстве развитых стран). Во-вторых, возрастная градация граждан старшего поколения, используемая Всемирной организацией здравоохранения⁷ (ВОЗ), не в полной мере применима для пожилых граждан России в силу существенно более низкой, чем в странах с сопоставимым подушевым ВВП и уровнем образования, ожидаемой продолжительности жизни и меньшим потенциалом здоровья. В целом пожилыми ВОЗ считает тех людей, чей возраст превышает среднюю ожидаемую продолжительность жизни при рождении в соответствующей стране. При градации старшего поколения ВОЗ предлагает выделять «молодых» пожилых (65–80 лет) и «пожилых» пожилых (старше 80 лет).

Учитывая эти обстоятельства, а также весьма высокий уровень трудовой занятости граждан, перешагнувших порог официального возраста выхода на пенсию и существенное (подтвержденное статистическими данными) снижение экономической активности мужчин и женщин в России после 67 лет, авторы предлагают рассматривать понятие «ресурсный потенциал пожилых людей» дифференцированно с учетом экономической активности (экономически активные и неактивные индивиды) отдельно для мужчин и женщин в возрасте старше трудоспособного до достижения ими 67 лет и для граждан обоего пола в возрасте старше 67 лет [11]. Таким образом, ресурсный потенциал пожилых людей целесообразно рассматривать как системное понятие, включающее в себя несколько подсистем (групп показателей), предназначенных для оценки качества потенциального

⁷ World Health Organization. World Report On Ageing And Health.
URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/186463/1/9789240694811_eng.pdf?ua=1

ресурса личности в отдельных возрастных группах. Данный вопрос подробно рассмотрен авторами в отдельной работе [12].

В силу неопределенности парадигмы институциональной теории в специальной литературе, посвященной ресурсному потенциалу старшего поколения, представлено широкое многообразие подходов, в том числе оригинальные классификации социальных институтов в зависимости от тех функций, которые они осуществляют. Это приводит к выводу о том, что систематизация институтов может быть произведена в зависимости от сфер и отраслей общественной жизни, в которых они функционируют. Такой подход позволит подробно исследовать институты, обеспечивающие организацию и регулирование социальных действий и социальных связей в процессах ее функционирования и развития. В данном случае можно преодолеть терминологические ограничения, накладываемые самим понятием «институт», и перейти к понятию «институциональная сфера», то есть к структурной и культурной сфере макроуровня, охватывающей наиболее важные аспекты социальной жизни [13].

В противовес понятию «система», которая, скорее, избыточно подчеркивает схожесть социальной реальности на разных уровнях, институциональная сфера (institutional sphere, institutional domain) предполагает акцентирование различий при помощи разных подходов – вплоть до анализа сетевого взаимодействия и социальной психологии, что даст возможность инкорпорировать в анализ исторические и эволюционные процессы, подчеркнуть повсеместность институциональных сфер и укорененность практик, описать процессы изменений в условиях социокультурной и исторической специфики, которые придают дискретную текстуру времени и месту.

Основные требования к выделению институтов реализации ресурсного потенциала старшего поколения можно реализовать на основе принципа укорененности (embeddedness) М. Грановеттера [14] в целях дифференциации социальной и экономических систем через выделение институтов по направлениям реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

Для социальной системы характерно ее описание через институциональные сферы жизнедеятельности человека, поэтому для предлагаемой модели «Карта институциональных функций реализации ресурсного потенциала старшего поколения» выделены три основные сферы их реализации: экономико-финансовая (социально-экономическая сфера 1), социальная (социально-экономическая сфера 2), здоровье (социально-экономическая

сфера 3). Для каждой из сфер определен набор институциональных функций, произведено картирование функций в модели пересечения институциональных сфер на диаграмме Эйлера–Венна (рис. 1).

Технология применения институциональных функций предполагает рассмотрение теоретических подходов и концептуализацию ресурсного потенциала на методологическом уровне. Детализация институциональных функций должна быть реализована применительно к отдельной социально-экономической системе с учетом социально-экономических особенностей каждой отдельной страны. Оценка деятельности институтов, реализующих институциональные функции в каждой отдельно взятой стране, строится через систему показателей и индикаторов (исходя из имеющегося институционального каркаса), сложившихся формальных и неформальных институтов и их взаимодействий. При этом оценивание может быть построено на основе как объективных показателей, так и субъективных оценок получателей блага.

Анализ взаимодействия формализованных и неформализованных институтов

Формальные и неформальные институты Д. Норт обозначил как «рамки» – нормы и правила социального взаимодействия. Формальные нормы закреплены законом, правила взаимодействия прописаны и обозначены письменными ограничениями, инструментами принуждения к их исполнению и контролю.

Неформальные нормы, в отличие от формальных институтов, включают в себя обычаи, традиции, неписаные правила, общепринятые условности и кодексы поведения, которые меняются постепенно, а также могут служить эффективным аналогом формальных институтов в том случае, если те не существуют или не выполняют свою функцию эффективно. Неформальные ограничения могут даже обеспечивать положительные изменения в развитии социально-экономической системы, вплоть до экономического роста при неблагоприятных или нестабильных политических законах. Неформальные правила глубже формальных и часто дополняют формальные.

Структура и соотношение формальных и неформальных правил для обеспечения эффективного функционирования институтов зависит от особенностей социально-экономической системы. Формальные и неформальные институциональные правила обуславливают создание организаций, структурирующих взаимодействие в обществе. Эти

организации возникают на основе стимулов, заложенных в институциональной системе, поэтому результативность их деятельности зависит от этой системы.

Институты довольно часто создаются не для того, чтобы быть социально эффективными, а формальные правила имеют свойство создаваться для защиты интересов акторов, способных влиять на формирование новых правил, поэтому реальная результативность деятельности института будет зависеть от того, как выстраивается институциональное взаимодействие формальных и неформальных практик и ограничений. Неформальные ограничения важны сами по себе (а не просто как дополнение к формальным правилам), так как одни и те же формальные правила и/или конституции в разных обществах имеют разные проявления. Следовательно, модель «Карта институциональных функций реализации ресурсного потенциала старшего поколения» на высшем методологическом уровне имеет теоретико-нормативный характер – служит для визуализации того, как структурированы институциональные функции по трем основным институциональным сферам (экономика, социум, здоровье).

Взаимодействие формализованных и неформализованных институтов через разные механизмы следует рассматривать на уровне конкретной национальной социально-экономической системы. Формальные и неформальные ограничения укоренены в самой социально-экономической системе. Культурный фильтр обеспечивает непрерывность эволюции этой системы, а прежние (исторически сложившиеся) неформальные ограничения являются важным источником непрерывности в ходе длительных социальных изменений. Неформальные институты могут содержать в своей структуре неформальные практики, порождаемые системой формальных институтов, а также включать совокупность социальных норм, источник которых – культура⁸. Такие практики направлены на преобразование формальных институтов в целях создания необходимых условий их эффективного функционирования.

Разнообразие, реализация и воплощение в жизнь формальных и неформальных практик зависят от конкретных условий, связанных с преобладанием тех или иных формальных и неформальных институтов. Разные страны гетерогенны с точки зрения качества своей институциональной среды, поэтому исследование особенностей взаимодействия институтов рекомендуется проводить на основе кейсов и

⁸ Матвеев А.А. Соотношение неформальных институтов и практик // Власть. 2011. № 8. С. 18–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-neformalnyh-institutov-i-p/viewer>

микроданных, которые обеспечат корректную оценку результативности институционального взаимодействия [15].

Институциональные взаимодействия можно рассматривать в ракурсе взаимодействия одного или нескольких формальных институтов с другими формальными институтами; формальных институтов с неформальными институтами; неформальных институтов с другими неформальными институтами [16]. Такое исследование имеет целью раскрытие причин зарождения и роста институтов. Если при этом принять в расчет контекст институционального взаимодействия, то появляется возможность для исследования формальных и неформальных институтов не только как двух типов противоположностей, но и как процесса, порождающего ряд противоречий в институциональном пространстве, в частности – институциональные ловушки, дисфункции самих формальных институтов рынка.

Эффективное институциональное взаимодействие возможно при общности целей формализованных и неформализованных институтов всех участников, что предполагает процесс трансформации институционального пространства и может быть реализовано через разные этапы – от выявления и признания кризисного состояния и неспособности формальных институтов функционировать эффективно до закрепления модели институционального взаимодействия формализованных и неформализованных институтов, которая на некотором отрезке исторического развития зарекомендует себя как относительно стабильная форма.

Анализ взаимодействия формализованных и неформализованных институтов целесообразно рассматривать отдельно для каждой институциональной сферы, так как зачастую ряд институциональных функций находится на пересечении нескольких сфер (экономика, социум, здоровье). Взаимодействие формализованных и неформализованных институтов выявляется через институциональные разрывы – при провале формальных институтов подключаются неформальные.

Функциональные разрывы уникальны для каждой социально-экономической системы, а, следовательно, компенсаторный механизм совместного функционирования формализованных и неформализованных институтов также уникален для каждой социально-экономической системы в отдельности [17]. При этом исследователи исходили из тезиса о том, что при достаточности аргументов о системном характере выявленных институциональных разрывов появляется возможность для обсуждения

вопросов о системности инструментов, рекомендуемых для их преодоления⁹ [18, 19].

Выявленные в ходе исследования наиболее важные институциональные разрывы и противоречия в экономико-финансовой, социальной сферах и в сфере здоровья представлены на *рис 2–4*. Анализ показал, что для части выявленных институциональных разрывов и противоречий характерна множественность их проявления, они являются атрибутами не только какой-либо одной из анализируемых сфер (экономико-финансовой, социальной или сферы здоровья), но и проявляются одновременно в нескольких сферах. Такие разрывы выделены на *рис. 2–4* более темным цветом.

В целом к институциональным разрывам и противоречиям в сфере реализации ресурсного потенциала старшего поколения относятся следующие:

- региональные разрывы в возможностях реализации ресурсного потенциала старшего поколения, что типично для пространственного развития России; присутствует ярко выраженное неравенство в реализации ресурсного потенциала по всем направлениям;
- отсутствуют или недостаточно развиты институты формирования инклюзивного общества по вопросам развития трудовой, социальной, образовательной, спортивной, культурной, медийной и просветительской деятельности в интересах старшего поколения, здоровьесберегающего поведения, а также самореализации человека в старшем возрасте;
- серьезное бремя ответственности по уходу за младшим поколением со стороны государства переносится на домохозяйства, где важную роль играют представители старшего поколения, но со стороны государства отсутствует встречная компенсация и признание этого социально значимого вклада по факту домашнего труда, который формально не оценивается в денежном выражении;
- отсутствие устоявшихся практик по долговременному уходу со стороны формализованных институтов, вследствие чего происходит перенос бремени ухода за представителями четвертого поколения на институт семьи.

⁹ Кузнецов Б.Л., Андреева Ф.И., Галиуллина Г.Ф. Институциональные и организационные разрывы в инновационной деятельности // *Инновации*. 2007. № 9. С. 32–36.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-i-organizatsionnye-razryvy-v-innovatsionnoy-deyatelnosti/viewer>

Выявленные разрывы следует признать системными, так как они обладают следующими свойствами:

- целостность (совокупность выявленных разрывов обладает свойствами, которыми не обладает ни один из элементов в отдельности; все вместе они характеризуют несовершенство институционального каркаса современной России);
- иерархичность (уровни возникновения институциональных разрывов могут быть декомпозированы от макроуровня до уровня конкретного индивида);
- коммуникативность (институциональные разрывы не изолированы, а связаны как между собой, так и с внешней средой);
- историчность (совокупность выявленных институциональных разрывов имеет схожие условия возникновения и функционирования).

Сделанный вывод явился основанием для предположения о целесообразности заполнения системных институциональных пустот с помощью комплексных инструментов, позволяющих получить результаты сразу в нескольких сферах, связанных с благополучием пожилых людей, и обеспечить синергетический эффект.

Требование синергии для инструментов, направленных на преодоление выявленных институциональных разрывов, в полной мере согласуется с обобщенной позицией международного экспертного сообщества о том, что для дальнейшего развития системы мониторинга и сбора статических данных на национальном уровне важно, чтобы международные агентства, национальные правительства и службы статистики могли гарантированно осуществлять деятельность по следующим важным аспектам:

- пожилые люди учитываются и включаются в статистические формы мониторинга, они представлены на всех этапах сбора, анализа и использования данных;
- возрастные ограничения удалены из международных опросов;
- статистические ведомства применяют подход, предполагающий исследование на протяжении всей жизни человека, предоставляя более подробные и полезные данные о старении, здоровье и функциональных возможностях;

- данные дезагрегированы по возрасту, полу, инвалидности и месту жительства, а результаты для каждого возраста публикуются в открытом доступе;
- прекращено использование эйджистской концепции «преждевременной смертности»;
- индикаторы по системе всеобщего медицинского страхования расширены за счет включения показателей по пожилым людям;
- данные собираются для лучшего понимания взаимосвязи между бедностью и здоровьем на протяжении всей жизни и, в частности, в старшем возрасте;
- обсуждения и результаты Titchfield City Group^{10, 11} по статистике, связанной со старением и данными с разбивкой по возрасту, активно поддерживаются, распространяются и используются на практике¹².

В качестве приоритетных направлений для организации работы по выявленным институциональным разрывам и дисфункциям в области благополучия старшего поколения, основанных на лучших международных практиках статистического мониторинга, выделим следующие:

- экономическая и финансовая безопасность – пенсионное покрытие и индекс UHC (Universal Health Coverage), то есть всеобщее медицинское страхование¹³;
- потенциал здоровья – ожидаемая продолжительность, в том числе здоровой, жизни в 60 лет; причины смерти с учетом всех болезней, которые привели к смерти или способствовали ей, а также обстоятельства несчастного случая или насилия, которые привели к таким травмам; смертность от членовредительства, суициды;
- расширение национальных планов и программ здравоохранения за счет включения в них мероприятий, связанных со старением населения, в том

¹⁰ Titchfield City Group создана на сессии Статистической комиссии Организации Объединенных Наций (ООН) в 2018 г. в целях продвижения международных стандартов и методов для сбора данных по основным аспектам старения с разбивкой по возрасту на протяжении жизненного пути человека, а также сотрудничества с ООН и другими организациями, занимающимися различными аспектами старения и статистикой старшего возраста.

¹¹ Titchfield Group on Ageing-related Statistics and Age-disaggregated Data.
URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/citygroups/Titchfield.cshtml>

¹² About Global AgeWatch Insights. URL: <http://www.globalagewatch.org/about/>

¹³ Tracking Universal Health Coverage: First Global Monitoring Report.
URL: https://www.who.int/healthinfo/universal_health_coverage/report/2015/en/

числе долгосрочное лечение и паллиативная помощь, профилактика насилия и жестокого обращения, уход и поддержка на дому в интересах автономии и независимости пожилых людей, развитие гериатрических служб;

- качество жизни в старшем возрасте – связанная с инвалидностью краткосрочная или долгосрочная потеря здоровья; основные депрессивные расстройства; наличие болезни Альцгеймера и других видов деменции; физическое, сексуальное и психологическое насилие; независимость и автономия в основных видах повседневной деятельности.

Актуализация приведенных индикаторов в сфере практических действий органов власти любой страны означает, что в ответ на текущие демографические и эпидемиологические вызовы должны быть приоритизированы те направления социально-экономической политики, которые:

- закрепляют в законодательстве на национальном уровне право человека на здоровье в любом возрасте и включают вопросы, связанные со старением населения, в планирование и реализацию национальной политики здравоохранения;
- определяют перечень услуг для включения в систему всеобщего медицинского страхования, учитывающих особенности потребностей пожилых людей, а также разрабатывают системы всеобщего медицинского страхования, которые являются целостными, ориентированными на человека и интегрированными не только в систему здравоохранения, но и в систему ухода за пожилыми людьми и их поддержки;
- распознают насилие, жестокое обращение и дискриминацию, которым подвергаются пожилые люди;
- закрывают пробел в признании деменции, депрессии и других психических и когнитивных нарушений здоровья в пожилом возрасте;
- реализуют гендерные и инклюзивные меры в области здравоохранения, принимая во внимание потребности конкретных групп пожилых людей;

– учитывают особые потребности пожилых людей и поддерживают развитие гериатрической и геронтологической компетентности во всех секторах здравоохранения¹⁴.

Суммируя предыдущие выводы, важно подчеркнуть, что перечень индикаторов, связывающих возможности реализации ресурсного потенциала старшего поколения с потенциалом здоровья и качеством системы здравоохранения, демонстрирует не только сложность и многогранность анализируемого процесса, но и является основанием для выстраивания между его стейкхолдерами партнерских отношений, подтверждает необходимость организации их работы с пожилыми людьми исходя из принципов паритетности и партисипаторности¹⁵ в решении вопросов, касающихся благополучия пожилых граждан [20]. Такой подход в полной мере соответствует глобальному постулату о том, что голоса, знания и мнения пожилых людей должны направлять совместные действия по разработке и внедрению интегрированных систем здравоохранения, сформированных вокруг приоритетов и проблем пожилых людей.

Заключение

Неоднородность российского институционального пространства в исследуемой сфере, обусловленная сохранением в ней «памяти прошлого», провоцирующей конфликт между «старыми» неформальными ограничениями и новыми формальными правилами, приводит к тому, что поиск возможностей для эффективного взаимодействия формальных и неформальных институтов реализации ресурсного потенциала старшего поколения остается крайне дискуссионным.

Исследование показало, что повышение степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения в условиях экономики старения требует преодоления имманентно присущей неформальным институтам инерционности, переосмысления традиционных способов взаимодействия формальных и неформальных институтов, ориентированных на различные аспекты субъективного благополучия, заполнения системных институциональных пустот с помощью комплексных инструментов, позволяющих получить результаты сразу в нескольких сферах и обеспечить их синергию. Особая роль в этом направлении принадлежит повсеместной

¹⁴ Global AgeWatch Insights. The Right to Health for Older People, The Right to be Counted. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/HelpAge_Main_Report_Final_web-res%20%281%29.pdf

¹⁵ Концепция партисипаторности предполагает, что граждане имеют безусловное право голоса при принятии важных для них решений.

активизации антиэйджистских практик, повышению активности старшего поколения в обсуждении и принятии решений в вопросах, касающихся их благополучия в каждой из выделенных сфер (экономико-финансовая, социальная, здоровье).

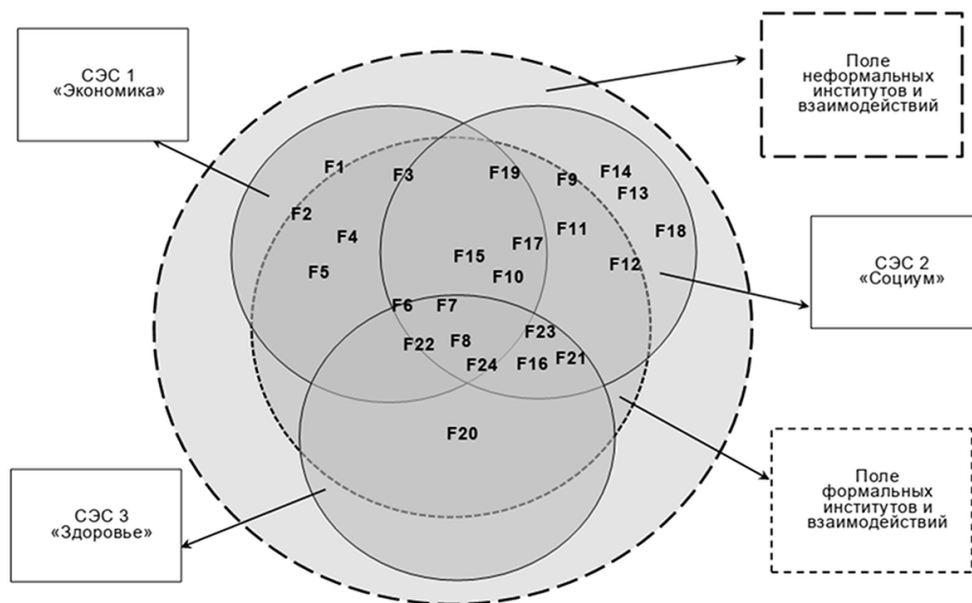
Карта институтов (институциональных функций), реализующих ресурсный потенциал старшего поколения с учетом возрастных характеристик пожилых людей, может стать значимым инструментом (моделью методологического уровня), позволяющим выявить недостатки в реализации государственных социальных программ; улучшить систему регулирования тех сфер, в которых она реализуется; снизить в них системные несоответствия и сделать информационные потоки в экономике старения более прозрачными. Институциональные профили институтов могут оказаться полезными для определения как формального, так и неформального взаимодействия между институтами. В этом случае формируются необходимые и достаточные условия для создания комплексной модели реализации ресурсного потенциала старшего поколения. В рамках этой модели соблюдается баланс интересов различных субъектов и создаются дополнительные возможности для повышения качества жизни и благополучия пожилых людей в условиях экономики старения.

Рисунок 1

Карта институциональных функций реализации ресурсного потенциала старшего поколения

Figure 1

A map of institutional functions to implement the resource potential of the older generation

Примечание. Блок «Экономико-финансовая сфера» включает: F1 – занятость по найму; F2 – самозанятость и предпринимательство; F3 – домашний труд и личное подсобное хозяйство; F4 – источники дохода и средства к существованию; F5 – финансовая устойчивость, материальная автономия и безопасность; F6 – потребление. Блок «Социальная сфера» включает: F7 – волонтерская и социально значимая деятельность по разным направлениям; F8 – институты борьбы с дискриминацией, эйджизмом, насилием; F9 – образование и непрерывное обучение; F10 – баланс профессиональной деятельности и личной жизни, использование времени; F11 – институты личностного роста (самореализация и самоактуализация); F12 – социальные связи и общение; F13 – участие в политической жизни и гражданском обществе; F14 – участие в культурной жизни; F15 – межпоколенческие взаимодействия (помощь и забота о младших и старших); F16 – доступ к инфраструктуре и возможности инфраструктуры (мобильность, безбарьерная среда для физической активности, интеграция и развитие инклюзивного общества); F17 – использование информационно-коммуникационных технологий и приобретение цифровых навыков; F18 – передача культурного кода и традиций; F19 – независимое и автономное проживание (благоустройство жилья). Блок «Здоровье» включает: F20 – состояние здоровья; F21 – институты системы здоровьесбережения; F22 – институты системы здравоохранения; F23 – физическая и психологическая безопасность; F24 – качество окружающей среды.

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 2**Институциональные разрывы в экономико-финансовой сфере****Figure 2****Institutional gaps in the economic and financial sphere**

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 3**Институциональные разрывы в социальной сфере****Figure 3****Institutional gaps in the social sphere**

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 4

Институциональные разрывы в сфере здоровья

Figure 4

Institutional gaps in the health sphere

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Edquist C., Johnson B.H. Institutions and Organizations in Systems of Innovation. In: Edquist C. (Ed.) *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations*. London, Washington, Pinter Publisher Ltd, 1997, pp. 41–63.
2. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 159 p.
3. Ackoff R.L. *Creating the Corporate Future: Plan or Be Planned For*. New York, Wiley, 1981, 297 p.
4. Ходжсон Дж. Что такое институты? // *Вопросы экономики*. 2007. № 8. С. 28–48. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-8-28-48>
5. Samuels W.J. Institutional Economics. *The Journal of Economic Education*, 1984, vol. 15, iss. 3, pp. 211–216. URL: <https://doi.org/10.1080/00220485.1984.10845074>
6. Дементьев В.В. Что мы исследуем, когда исследуем институты? // *Terra Economicus*. 2009. Т. 7. № 1. С. 13–30. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/chto-my-issleduem-kogda-issleduem-institutu/viewer>

7. *Blaug M.* The Methodology of Economics or How Economists Explain. Cambridge, Cambridge University Press, 1992, 286 p.
8. *Ефимов В.М.* Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики. // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 49–67.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-8-49-67>
9. *Павлова И.А., Гуменников И.В., Монастырный Е.А. и др.* Интегральные индексы как комплексные способы оценки благополучия старшего поколения: монография. Томск: СТТ, 2017. 286 с.
10. *Замараева З.П.* Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения России: монография. М.: Дашков и К°, 2018. 269 с.
11. *Павлова И.А., Недоспасова О.П.* Методический подход к оценке социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности пожилых людей в региональный социум // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17. Вып. 3. С. 500–537.
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.17.3.500>
12. *Павлова И.А., Недоспасова О.П.* Ресурсный потенциал старшего поколения: от уточнения терминологии к разработке рекомендаций по повышению степени его реализации в социуме // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 115–127.
URL: <https://doi.org/10.17223/15617793/456/13>
13. *Abrutyn S.* Institutional Spheres: The Macro-Structure and Culture of Social Life. In: Abrutyn S. (Eds) Handbook of Contemporary Sociological Theory. Handbooks of Sociology and Social Research. Springer, Cham, 2016, pp. 207–228. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-32250-6_11
14. *Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*, 1985, vol. 91, iss. 3, pp. 481–510. URL: <https://doi.org/10.1086/228311>
15. *Casson M.C., Della Giusta M., Kambhampati U.S.* Formal and Informal Institutions and Development. *World Development*, 2010, vol. 38, iss. 2, pp. 137–141. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2009.10.008>

16. *Цветкова Г.С.* Взаимодействие формальных и неформальных институтов рынка: теоретико-методологические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 287–292.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-formalnyh-i-neformalnyh-institutov-rynka-teoretikometodologicheskie-aspekty/viewer>
17. *Машенцева Н.Г.* Об институциональных разрывах в сфере здравоохранения России // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 1. С. 53–58. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/ob-institutsionalnyh-razryvah-v-sfere-zdravoohraneniya-rossii/viewer>
18. *Снарская А.В.* Формирование институциональных структур: возникновение, институциональные разрывы и реформирование // Фундаментальные исследования. 2015. № 9. Ч. 2. С. 374–378.
URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39110>
19. *Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г.* Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 5–27.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-5-5-27>
20. *Bishop P.J., Davis G.C.* Mapping Public Participation in Policy Choices. *Australian Journal of Public Administration*, 2002, vol. 61, iss. 1, pp. 14–29.
URL: <https://doi.org/10.1111/1467-8500.00255>

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Population and Demography

INSTITUTIONAL FUNCTIONS IN ANALYZING THE ELDERLY GENERATION'S RESOURCE POTENTIAL

Irina A. PAVLOVA ^{a,*},
Ol'ga P. NEDOSPASOVA ^b

^a National Research Tomsk Polytechnic University (TPU),
Tomsk, Russian Federation
iapav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3620-4278>

^b Tomsk State University (TSU),
Tomsk, Russian Federation
olgaeconomy@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8272-4616>

* Corresponding author

Article history:

Article No. 153/2021
Received 22 Mar 2021
Received in revised
form 30 Mar 2021
Accepted 5 Apr 2021
Available online
14 May 2021

JEL classification:

B52, I31, J00, J11, J14

Keywords:

institutional functions,
resource potential,
older generation, well-
being, quality of life

Abstract

Subject. This article discusses the challenges and prospects for mapping institutional functions to assess the extent to which the resource potential of the older generation is being realized in regional society.

Objectives. The article aims to develop a mapping profile of institutional functions to assess the extent to which the resource potential of the older generation is being realized.

Methods. For the study, we used analysis and synthesis, logical and systems approaches, and theoretical generalization.

Results. The article identifies the most important institutions for realizing the resource potential of the older generation and presents a typology of institutional functions through mapping across the three basic institutional spheres, namely the economic, social, and health ones. The article highlights certain system-based gaps in the analyzed institutional environment and dysfunctions in the institutional interactions in the field of the older generation's resource potential.

Conclusions. The *Older Generation's Institutional Capacity Implementation Map* methodological model can be a significant tool to identify shortcomings in the implementation of government social programmes aimed to improve the quality of life of older people.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: Pavlova I.A., Nedospasova O.P. Institutional Functions in Analyzing the Elderly Generation's Resource Potential. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2021, vol. 19, iss. 5, pp. 972–1002.
<https://doi.org/10.24891/re.19.5.972>

Acknowledgments

The article was supported by the Russian Science Foundation (RSF) within research project № 19-18-00300, *Institutions of Older Generation's Resource Potential Implementation in an Economy of Aging*.

References

1. Edquist C., Johnson B.H. Institutions and Organizations in Systems of Innovation. In: Edquist C. (Ed.) *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations*. London, Washington, Pinter Publisher Ltd, 1997, pp. 41–63.
2. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 159 p.
3. Ackoff R.L. *Creating the Corporate Future: Plan or Be Planned For*. New York, Wiley, 1981, 297 p.
4. Hodgson G. [What Are Institutions?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2007, no. 8, pp. 28–48. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-8-28-48>
5. Samuels W.J. Institutional Economics. *The Journal of Economic Education*, 1984, vol. 15, iss. 3, pp. 211–216.
URL: <https://doi.org/10.1080/00220485.1984.10845074>
6. Dement'ev V.V. [What do we investigate during the investigation of institutions?]. *Terra Economicus*, 2009, vol. 7, no. 1, pp. 13–30.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-my-issleduem-kogda-issleduem-instituty/viewer> (In Russ.)
7. Blaug M. *The Methodology of Economics or How Economists Explain*. Cambridge, Cambridge University Press, 1992, 286 p.
8. Yefimov V. [Subject matter and method of interpretative institutional economics]. *Voprosy Ekonomiki*, 2007, no. 8, pp. 49–67. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-8-49-67>
9. Pavlova I.A., Gumennikov I.V., Monastyrnyi E.A. et al. *Integral'nye indeksy kak kompleksnye sposoby otsenki blagopoluchiya starshego pokoleniya: monografiya* [Composite indicators as comprehensive assessments of the elderly population's well-being: a monograph]. Tomsk, STT Publ., 2017, 286 p.

10. Zamaraeva Z.P. *Resursno-potentsial'nyi podkhod v sisteme sotsial'noi zashchity naseleniya Rossii: monografiya* [The resource-potential approach in the social protection system of the Russian population: a monograph]. Moscow, Dashkov i K° Publ., 2018, 269 p.
11. Pavlova I.A., Nedospasova O.P. [The methodological approach to evaluating the socio-economic effectiveness of the elderly people's involvement into the regional society]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2021, vol. 17, iss. 3, pp. 500–537. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.17.3.500>
12. Pavlova I.A., Nedospasova O.P. [The resource potential of the older generation: from defining the term to developing recommendations for enhancing its realization in society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 456, pp. 115–127. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.17223/15617793/456/13>
13. Abrutyn S. Institutional Spheres: The Macro-Structure and Culture of Social Life. In: Abrutyn S. (Eds) *Handbook of Contemporary Sociological Theory. Handbooks of Sociology and Social Research*. Springer, Cham, 2016, pp. 207–228. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-32250-6_11
14. Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*, 1985, vol. 91, iss. 3, pp. 481–510. URL: <https://doi.org/10.1086/228311>
15. Casson M.C., Della Giusta M., Kambhampati U.S. Formal and Informal Institutions and Development. *World Development*, 2010, vol. 38, iss. 2, pp. 137–141. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2009.10.008>
16. Tsvetkova G.S. [Interaction of formal and informal market institutions: theoretical and methodological aspects]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2013, no. 9, pp. 287–292. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-formalnyh-i-neformalnyh-institutov-rynka-teoretikometodologicheskie-aspekty/viewer> (In Russ.)
17. Mashentseva N.G. [About institutional gaps in health sector of Russia]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social-Economic Phenomena and Processes*, 2015, vol. 10, no. 1, pp. 53–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-institutsionalnyh-razryvah-v-sfere-zdravoohraneniya-rossii/viewer> (In Russ.)

18. Snarskaya A.V. [Building institutional structures: appearance, institutional gap and reform]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2015, no. 9, part 2, pp. 374–378.
URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39110> (In Russ.)
19. Kuzminov Ya.I., Radaev V.V., Yakovlev A.A., Yasin E.G. [Institutions: from import to raising (lessons from the Russian reforms and opportunities for cultivation of institutional change)]. *Voprosy Ekonomiki*, 2005, no. 5, pp. 5–27. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-5-5-27>
20. Bishop P.J., Davis G.C. Mapping Public Participation in Policy Choices. *Australian Journal of Public Administration*, 2002, vol. 61, iss. 1, pp. 14–29.
URL: <https://doi.org/10.1111/1467-8500.00255>

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.